

**Полемика на страницах «Нового времени» по вопросам брака и пола в
1902 г.**

В статье рассматривается полемика, вызванная докладом иеромонаха Михаила «О браке: психология таинства», прочитанном на заседании религиозно-философских собраний в декабре 1902 г., которая велась на страницах «Нового времени» между ведущим публицистом этой газеты М. О. Меньшиковым, с одной стороны, и В. В. Розановым и Д. С. Мережковским, с другой. На основе сравнительного анализа позиций, с одной стороны, представителей так называемого богоискательства, представлявших либеральные воззрения, с другой – консервативного лагеря общественной мысли, прослеживаются основные моменты расхождения двух социально-политических парадигм в России начала XX в. в понимании сущности брака и гендерных отношений.

Ключевые слова: религиозно-философские собрания, М. О. Меньшиков, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, брак, семья, пол.

Sankova S. M.,

*Doctor of Historical Sciences,
Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies,
Orel State University named after I. S. Turgenev*

**The controversy on the pages of "Novoye Vremya" about marriage and
gender in 1902**

The article examines the controversy caused by the report of Hieromonk Mikhail "On marriage: the psychology of the sacrament". The report was read at a meeting of religious and philosophical meetings in December 1902. The controversy was conducted on the pages of Novoye Vremya between the leading publicist of this newspaper M. O. Menshikov, on the one hand, and V. V. Rozanov and D. S. Merezhkovsky on the other. Based on a comparative analysis of the positions of these personalities, the main points of divergence of conservative and liberal socio-political paradigms in Russia at the beginning of the twentieth century in understanding the essence of marriage and gender relations are traced.

Keywords: Religious-Philosophical meetings, M. O. Menshikov, V. V. Rozanov, D. S. Merezhkovsky, marriage, family, gender.

Деятельность религиозно-философских собраний, проходивших в Петербурге в начале XX в. уже достаточно широко освещена в отечественной историографии, равно, как и участие в нем не только наиболее заметных членов, таких как Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, В. В. Розанов, но и менее известных участников (К. Д. Кудрявцев, А. В. Карташев, В. В. Борадаевский, Б. Г. Столпнер и др.). Среди посещавших данные собрания был и ведущий публицист крупнейшей российской газеты «Новое время» Михаил Осипович Меньшиков, однако его критический настрой по отношению к большей части мнений, высказывавшихся в ходе собраний, привел к тому, что его участие в полемике по рассматривавшимся вопросам в отечественной историографии почти не нашло своего отражения. Общим местом стало лишь приписывание Меньшикову с легкой руки З. Гиппиус роли ключевого звена в цепи событий, приведших к прекращению деятельности этих собраний [Евгеньев-Максимов, 1913: 246].

В данной статье впервые освещается участие Меньшикова в полемике, которая велась между участниками религиозно-философских собраний, отразившейся на страницах «Нового времени». Будучи ограниченными объемами статьи, мы осветим лишь один аспект этой полемики. Наряду с прочими вопросами духовно-религиозного характера, обсуждавшимися на заседаниях религиозно-философских собраний, не могли пройти его участники мимо темы, активно актуализировавшейся как в Европе, так и в России – взаимоотношения полов в браке и вне его. Вопросы, поднятые ввиду наступавшей идеологии декаданса, еще более остро стали ощущаться во второй половине XX в. с приходом постмодернистской парадигмы и активного переосмысления гендерных ролей. Поэтому темы, затрагивавшиеся в ходе освещаемой нами дискуссии, не потеряли своей актуальности и в настоящее время, так как помогают понять истоки современных гендерных явлений.

Тема понимания сущности семьи в обществе и церкви обсуждалась на четырех заседаниях, а начало ей положил в декабре 1902 г. доклад иеромонаха Михаила (Семенова) «О браке: психология таинства». Меньшиков лично присутствовал при слушании этого доклада и даже участвовал в прениях по нему непосредственно на собраниях. Меньшиков в своем выступлении в прениях попытался отстаивать в этом вопросе не столько церковную, сколько чисто христианскую позицию, как он ее понимал. Возражая докладчику, утверждавшему, что «взгляд о совершенстве полного безбрачия нецерковен», Меньшиков отмечал, что важно выяснить, «какая истина заключается в учении Христа, а не церкви, которая есть дело рук человеческих, учение которой есть явление условное». Он обратил внимание участников собраний на один недостаток, который, по его мнению, присущ большинству выступающих, – цитирование второстепенных источников: «богословы, светские писатели, иностранные и русские, а между тем в религиозных вопросах важно начать с первоисточника – учения Христа». Меньшиков высказал удивление по поводу того, что ни сам

иеромонах Михаил в своем докладе, ни участники прений «не обратились к 19-й главе Евангелия Матфея, где выяснено категорически, что следует понимать в вопросе о браке под Христовой истиной». По мнению Меньшикова, взгляд Христа высказан там «безусловно и неопровержимо», а именно, что «девство выше брака». Он выразил удивление, что сам докладчик, давший обет безбрачия, проводит в своем докладе идею равной святости христианского брака и невинности: *«Если физиологический момент брака совершенно чист, то почему же опыт всех монашеских орденов, всех людей в течение множества веков в христианстве и язычестве, достигших совершенства, исключает брак?»* [Записки, 2005: 225–226]

Прения в религиозно-философских собраниях сопровождались полемикой их участников в печати, в частности полемикой Меньшикова и Розанова. Как заметил в своем выступлении М. А. Новоселов: «Тот же Василий Васильевич в "Северных Цветах" помещает злую и лживую критику на церковь, упраздняя ее в настоящем и шельмуя в прошлом, а когда г. Меньшиков прижимает его к стене в «Новом Времени», Василий Васильевич обижается и, находя свое положение в этом споре для себя неудобным, с странной, чтоб не сказать больше, наивностью исповедуется, что ведь, что бы мы ни говорили, а в минуты горя мы побежим все-таки в *нашу* церковь. Это в осмеянную так недавно в "Северных Цветах"!..» [Записки, 2005: 238] Полемика, которую упоминает Новосельцев, велась преимущественно на страницах «Нового времени» (в котором сотрудничал и В. В. Розанов) и была посвящена сравнению христианства и язычества, затрагивая при этом самые различные сферы культуры, в том числе и семью. Меньшиков выступал против защищавших эллинизм Розанова и Мережковского. Однако корни полемики Меньшикова и Розанова лежали все же в различиях видения идеала отношений между полами вообще и, в частности, основ идеального брака, вылившихся еще в конце XIX в. в реакцию Розанова на статьи Меньшикова периода его сотрудничества в газете «Неделя». На цикл Меньшикова «Элементы романа», публиковавшийся им в «Книжках "Недели"» 1897 г., Розанов ответил статьями «Кроткий демонизм» и «Смысл аскетизма». В первой статье он указывал на прямое копирование Меньшиковым идей Толстого: «Вся статья Меньшикова есть музыкальный речитатив на известные и первично в "Крейцеровой сонате" сказанные слова Позднышева. Совершенно непостижимо, зачем изобретен он г. Меньшиковым после "Крейцеровой сонаты"» [Розанов, 1897]

Начало нового витка журнальной полемики было положено статьей Меньшикова, написанной в 1902 г. под впечатлением от поездки в Италию, где из всех живописных шедевров его более всего поразил образ «Сикстинской мадонны» Рафаэля, который он в своих размышлениях противопоставил различным произведениям, написанным по мотивам античных мифов, в частности картине «Леда и лебедь» (Меньшиков имел в виду работу П. П. Рубенса, которая является копией с утраченной картины Микеланджело), изображавшей соитие Леды с принявшим образ лебедя Зевсом. Меньшиков критикует содержание не столько картины, сколько

самого мифа, отмечая, что для «человека непредубежденного это позорнейшая мерзость, какую только может придумать больное воображение» [Меньшиков, 2019в: 535]. Он протестует против философской или аллегорической трактовки данного сюжета, настаивая на том, что противоестественное соитие не может быть олицетворением чего бы то ни было природного.

При этом Меньшиков вспоминает стихотворение Мережковского «Леда», опубликованное в 1895 г. (несомненно, знакомое читающей публике, без указания автора), которое «в пределах цензуры» передает «тонкую скабрёзность старинной сказки». Меньшиков упомянул данное стихотворение отнюдь не случайно и не ради того, чтобы упрекнуть Мережковского в непристойном сюжете. Данное стихотворение очень точно выражало философско-эстетическую программу декаданса, которая для Меньшикова была неприемлема с нравственной точки зрения. Стихотворение Мережковского, хотя и называлось «Леда», но посвящено было рождению Красоты, олицетворением которой является дочь Леды и Зевса Елена. Появившаяся на свет от грешного соития, она сама, в свою очередь, по словам Мережковского «вся – коварство, вся измена», но при этом в духе логики декаданса остается «чиста» и на нее возлагаются «все надежды мира».

Меньшиков же настаивал на том, что только освященная христианством чистота и невинность может выступать олицетворением подлинной красоты и «вечно женственного». «Для христианского мирозерцания женственное – это невинность», а в Леде «это женственное дано в момент растления, когда оно растаптывается и смешивается с грязью» [Меньшиков, 2019в: 537]. В последнем замечании Меньшикова явно проступает та же идея, что высказывалась им на религиозно-философских собраниях, о том, что девство выше супружества. Взгляд Меньшикова на половые отношения, сопровождающиеся «грубой страстью», не иначе как на «растление», был представлен им впервые еще в «Книжках "Недели"». Именно этот взгляд на половое влечение как на «свиное» роднил Меньшикова с Л. Н. Толстым и именно эта позиция, несмотря на критику в скором будущем многих идей Льва Николаевича, осталась у них единой. Показательно, что, как мы уже говорили, Розанов еще в 1897 г. отметил сходство взглядов Меньшикова с героем «Крейцеровой сонаты». И в 1902 г. Меньшиков сам подтверждает это, напрямую обращаясь к авторитету «великого романиста», косвенно отсылая к его знаменитому произведению именно через эту характеристику «свиного» в плотских отношениях [Меньшиков, 2019в: 537].

Отталкиваясь от сюжета мифа о Леде, как от частного случая, Меньшиков переходит к критике всей античной мифологии в целом, полагая, что она была создана в эпоху, когда «греки уже были развращены до мозга костей». И человек «христианской цивилизации» не может примириться с такой мифологией. «Почему Зевес принимает образ птиц и зверей для овладения возлюбленными? – задается вопросом Меньшиков. – Почему вся сцена греческой религии загромождена Ганимедами, Гиацинтами, гермафродитами, сатирами, менадами и пр. и пр.? Не надо быть психиатром,

чтобы увидеть в этой изящной поэзии следы глубокого народного вырождения...» [Меньшиков, 2019в: 536]. Примечательно, что несколько позднее известный отечественный философ и культуролог А. Ф. Лосев, рассуждая об античной мифологии, указывая на множество компонентов, составляющих мифологические образы, в качестве одного из них называл именно «эллинистический декаданс» [Лосев, 1996: 38, 222].

Меньшиков неоднократно подчеркивал, что языческое искусство есть признак психического нездоровья вырождавшегося народа. Возвращение человека на путь разума принесло, по мысли Меньшикова, христианство с его представлением о богоподобии внутренней природы человека. Именно в христианстве превознеслась «истинная невинность», так как только она была «признана достойной воплотить в себе Вечное Начало» [Меньшиков, 2019в: 538]. И эту истину Меньшиков называет лучшим приобретением рода человеческого, от которой невозможно отказаться.

С этической точки зрения, Меньшиков даже оправдывает разрушение античных произведений искусства христианами, так как это было вынужденное истребление следов языческих культов, являвшее собой не варварство, а «требование высшей культуры». Христианство не могло оставить рядом с собой «это облечённое в мрамор сладострастие, раскрашенное пьянство, жестокость, гордость, это обольстительное безумие, зараза которого дышала гибелью» [Меньшиков, 2019в: 539]. Однако истреблено было не все, и именно сохранившиеся следы античной культуры вызвали к жизни «возрождение язычества» в эпоху так называемого Высокого Возрождения: «Снова мирозерцание европейское пошатнулось, и новое язычество, облечённое красотой, снова внесло в наш мир много чувственного и жестокого, что так возмущало первых христиан» [Меньшиков, 2019в: 539].

Весь этот исторический экскурс необходим был Меньшикову, чтобы подвести читателя к основной своей идее о том, что мы находимся накануне нового возрождения язычества, проявляющего себя в новом стиле, получившем в России название «модерн». В качестве доказательства своего утверждения Меньшиков пишет о том, что «снова входит в моду языческая символика, языческая философия и гадкая языческая мораль», а ярче всего это проявляется в современном искусстве. Меньшиков настаивает, что суть нового течения в искусстве вовсе не в изменении форм, а именно в изменении мировоззрения: «Тут чувствуешь древний нравственный критерий – языческое обожествление плоти, т. е. – оживотнение её до потери различия между человеком и зверем» [Меньшиков, 2019в: 540].

Мы позволили себе так подробно остановиться на этой статье Меньшикова потому, что она, по сути, является его программным этико-эстетическим заявлением и именно ею он ополчил против себя сторонников нового искусства. Именно на эту статью через неделю в «Новом времени» появились возражения Розанова, где он вновь акцентировал внимание именно на идее, в которой сошлись Меньшиков и Толстой: «"Свиное", "свинство" он повторил за "знаменитым романистом" о роднике материнства. Зачем же не

быть последовательным и не докончить: "Каждая мать есть опоросытившаяся свинья"?» [Розанов, 1902б: 2]

Исходя из главного для себя вопроса – вопроса семьи – Розанов доказывал, что «люди, создавшие и питавшиеся мифом Леды, самый идеальный тип семьи», так как до нас не дошло никаких источников, упоминавших там о побоях жен и детей, что так распространено в наших христианских современных семьях. Розанов, конечно, не догадывался, что последний факт Меньшиков глубоко прочувствовал на себе и своей матери.

Ответом Розанову стала статья Меньшикова, опубликованная в «Новом времени» 1 сентября [Меньшиков, 2019б]. В ней Меньшиков, во-первых, настаивал на том, отрицает не всю эллинистическую культуру, а только лишь те низменные ее проявления, о которых ранее писал и которые так же осуждались и многими выдающимися представителями самого эллинистического мира [Меньшиков, 2019б: 579–580].

Во-вторых, он доказывал, что Розанов «перевернул» высказанные им мысли, ложно приписав ему утверждение, что «родник материнства» я называю «свинством». В данном случае имело место недопонимание, которое так и осталось в статьях обоих оппонентов, возможно, в силу цензуры, недосказанным. Меньшиков действительно считал половой акт делом грязным, оскверняющим чистоту женственности, если он сопровождался сладострастием. Он сам дает это понять читателю: «Я держусь "банального взгляда", что соединение полов имеет природой указанную цель и должно оставаться в пределах последней. Подобно тому как питание есть акт священный, соединение с Богом через хлеб, подаваемый свыше, но обжорство есть уже что-то нечистое и свиное, – так и в половом чувстве развивается часто то же обжорство и все уродливости вкуса» [Меньшиков, 2019б: 582].

Заметим, что данный взгляд, высказанный публично, Меньшиков исповедовал на протяжении всей своей жизни, хотя и не всегда мог воплотить его на практике, в чем горько раскаивался. Незадолго до своей гибели он записал в дневнике: «Если бы я был человек высокой культуры духа, то следовало бы беречься влюбленности, как всякой иной страсти, считая именно влюбленность прелюбодеянием. (Прелюбить = переест = перепить: чрезмерное увлечение тем, что должно иметь меру). Стакан шампанского не есть пьянство, но бутылка шампанского – пьянство, тем более – две и три. Когда женщина нравится, когда она мила и приятна – это вполне достаточно для здорового и счастливого брака, причем дает возможность взвесить другие необходимые данные: хороший характер, доброту сердца, ум, воспитанность, здоровое сложение, хорошую наследственность и семейное положение. Простая симпатия не мешает разуму оценивать эти важные члены общей формулы брака, влюбленность мешает – недаром она называется "безумной"» [Российский архив, 1993: 205]. И детям своим он завещал: «выбирайте себе пару для продолжения рода, а не для вас лично. Выбирайте осторожно, ибо это величайший по значению выбор из всех на свете. Если влюбитесь безумно, это первый признак, что брак будет безумный, т. е. несчастный. Женитесь по любви, но не по прелюбви: это и есть настоящий разврат, караемый хуже всех

грехов. Выбирайте приятного, физически и психически милого человека, но не такого непременно, которым хотелось бы обожраться» [Российский архив, 1993: 208]. Розанов же категорически не разделял страсть соития и деторождение, считая их единым священным актом, также сохранив эту убежденность до конца своих дней.

В своей статье Меньшиков на основе множества примеров из античной истории и литературы убедительно показывал, что эллинистическая языческая семья отнюдь не идеальна и в ней есть все те пороки, которые Розанов приписывал семье христианской. И главное, на чем он настаивал, именно в языческой семье, что в античности, что у древних славян, женщина была как раз бесправной собственностью мужа.

И, пожалуй, главным завершающим тезисом этой статьи является позиция Меньшикова, не допускающая «примирения», а следовательно, смешения различных религий: «Мне кажется, кто бы ни был – мусульманин, еврей, буддист, христианин, язычник, – все должны или верить, и тогда твёрдо стоять на своей вере, или не верить вовсе. Это искреннее и честнее. Именно так и держали себя древние христиане, которые скорее шли на смерть, чем съесть идоложертвенного мяса. Так же держали себя и древние язычники (эпохи VIII века), и древние мусульмане /.../ Компромисс возможен где угодно, только не в религии: это область святого, область идеала, который тотчас же перестаёт быть идеалом, если хоть на мгновение будет понижен» [Меньшиков, 2019б: 587–588].

Розанов продолжил полемику с Меньшиковым в статье «В чем разница древнего и нового миров» [Розанов, 1902а], начав с того, что и в христианскую эпоху можно тоже привести множество исторических примеров беспутных нравов, он перешел к идее о том, что «главная разница между эрой до-христианской и после-христианской» лежит «в отношении к жизни и к смерти». Розанов исходил из того, что «все религии примыкают к гробу и колыбели», но у одних наблюдается «перевес во внимании к гробу, в трепете перед гробом, и развивается религиозный пессимизм», если же, напротив, «перевес во внимании к колыбели – и религия розовеет, становится легче, воздушнее: развивается религиозный оптимизм». К первым он относил христианство, ко вторым язычество. В христианстве, по мнению Розанова, уход из жизни обставлен более торжественно и значительно, с точки зрения церковных обрядов, чем приход в этот мир.

В своей статье «Поганое в паганизме» Меньшиков так же упоминал Д. С. Мережковского как провозвестника «нового Возрождения» язычества в лоне нового искусства, о котором Меньшиков говорил ранее [Меньшиков, 2019б: 570]. Поэтому и Мережковский не преминул откликнуться на брошенный вызов на страницах того же «Нового времени» статьей «Что такое язычество?» [Мережковский, 1902б]. В ней Мережковский исходил из трактовки понятия «языческое» в значении «"человеческое – только человеческое", без "божественного" или в частности без "христианского"», сводя таким образом вопрос о «поганом в паганизме» к вопросу «есть ли поганое в человечестве» [Мережковский, 1902б: 3]. В иудаизме этот вопрос

был решен через идею избранного «чистого» народа, противопоставленного всем остальным языческим «поганым» народам. Однако ссылаясь на обращение первого язычника апостолом Петром, Мережковский доказывал, что «поглощённое христианством и претворенное в нем язычество становится его же собственной плотью и кровью /.../ Сам Бог очистил все языческое, все человеческое для восприятия божеского, христианского». Как полагал Мережковский, этот взгляд был забыт средневековой сначала католической, а затем и православной церквями, которые стали относиться к не христианам, как Израиль к не иудеям, отсюда и появилось соединение по смыслу слов «язычник» и «поганый». Далее Мережковский исходит из представления о мировой и личностной эволюции, которая выглядит так: «путь от язычества к христианству, от человечества к Богочеловечеству есть путь всего мира и каждого человека в отдельности: кто никогда не был язычником, тот никогда не будет христианином». Поэтому главную проблему современного ему общества Мережковский усматривает не в распространении язычества, как думает Меньшиков, а в отсутствии веры как таковой: «нет у нас никакой религии, ни старой, ни новой, ни христианской, ни языческой» [Мережковский, 1902б: 4].

В духе основного лейтмотива статьи Розанова ответную статью Меньшиков назвал «О гробе и колыбели» [Меньшиков, 2019а], но в ней он полемизировал уже с обоими защитниками язычества. Поводом для написания статьи в первую очередь послужила премьера постановки трагедии Еврипида «Ипполит» в переводе Д. С. Мережковского 14 октября 1902 г. на сцене Александринского театра в Петербурге. Как отмечал в своем дневнике директор Императорских Театров В. А. Теляковский: «Никогда еще ни одна пьеса на Александринской сцене не возбуждала такой полемики, как постановка "Ипполита"» [Якимова, 2008: 336]. Точнее Меньшиков обратил внимание не на саму постановку, так как, вероятнее всего, он не был на премьере, а на вступительное слово Мережковского, произнесенное им в театре перед началом спектакля.

Лейтмотив выступления Мережковского заключался в идее возвращения театру античного статуса своеобразного храма, где происходит «некоторое "священное действие", некоторое "таинство", служение Богу». И постановку своей пьесы он считал первым опытом восстановления «первоначального религиозного значения театра» [Мережковский, 1902а: 2].

Переходя же непосредственно к содержанию трагедии «Ипполит», Мережковский проводит идею о том, что главный герой «святой, отшельник, постник, девственник, жених небесной Девы и, наконец, мученик целомудрия, прощающий и любящий врага своего, убийцу» являет собой «почти совершенный образ христианина до христианства», исповедующего христианский тип любви. И данная любовь противостоит в этой драме любви языческой, сладострастной. Образом последней выступает «милосердная, но бесплодная Артемида», образом первой – «рождающая, но жестокая Афродита» [Мережковский, 1902а: 2].

Однако сам Мережковский не разделяет этого противопоставления, утверждая, что оба типа любви «одинаково божественны, потому что одинаково необходимы для бытия мира». Ипполит этого не понял и погиб. Христианство же, по мнению Мережковского, несет в себе «предчувствие последнего соединения этих двух начал», «но это именно только смутное предчувствие, только греза, только видение, не достигнутое, не воплощенное» в действительности, как языческой, так и христианской.

Заканчивал Мережковский свое выступление такими словами: «Мы более, чем наши предки, гордимся христианством нашим или тем, что мы называем «христианством»; более презираем язычество. Но если бы мы вдумались в то, что есть в этой трагедии Еврипида, то не пришлось ли бы нам умерить нашу гордость и признать, что мы, христиане часто только на словах, а на деле язычники или даже просто безбожники, могли бы поучиться у этого древнего язычника христианству?» [Мережковский, 1902а: 2]

Мы специально привели полностью данную цитату, так как в статье «О гробе и колыбели» Меньшиков высказал схожую мысль о том, что «огромное большинство христиан чувствуют себя неспособными к христианскому счастью» оттого, что «почти все мы – скрытые язычники, и в этом всё проклятие нашей жизни» [Меньшиков, 2019а: 704]. Солидаризировался он и с утверждением Мережковского в статье «Что такое язычество?» о том, что основная проблема современного общества не в том, какая в нем доминирует вера, а в том, что веры нет никакой. «Всего страшнее, – пишет Меньшиков, – общественный сон, всего страшнее лицемерное равнодушие, то ленивое безверие, которое за всё держится и ничего не хочет и для которого главный грех – движение мысли» [Меньшиков, 2019а: 694].

Важным, на наш взгляд, моментом данной статьи Меньшикова является уважительное отношение к оппонентам в ходе полемики. И уважение это не дежурное, Меньшиков полагает, что уважения заслуживают религиозные искания Розанова и Мережковского: «Как я ни расхожусь во взглядах с такими писателями, каковы Д. С. Мережковский и В. В. Розанов, их тревожное стремление к религиозной истине возбуждает во мне сочувствие. Пусть они, как мне кажется, впадают в одну ошибку за другой, но, значит, они чего-то ищут, значит, они не равнодушны к Богу, и Он влечёт их к себе теми или иными ведомыми Ему, хотя и странными для меня путями» [Меньшиков, 2019а: 694].

Далее Меньшиков полемизирует практически только с утверждением Розанова о том, что «язычество есть религия света и радости и представляет собою оптимизм, тогда как христианство наоборот: религия мрака, отчаяния и в корне своём есть пессимизм». Не пускаясь в богословские прения, опираясь только на логику, Меньшиков показал, что Розанов сам себе противоречит, так как утверждает, что между язычеством и христианством вовсе нет никакой пропасти, однако данное им самим противопоставление свидетельствует об обратном, ведь нельзя же утверждать, что между печалью и радостью нет никакого противоречия. Меньшиков де продолжает настаивать на том, что

«дух Христа есть истина, язычество — ложь, и потому между ними не может быть примирения» [Меньшиков, 2019а: 694].

Также Меньшиков обращает внимание на свойственную многим ошибку принимать «остатки язычества» в виде сохранившихся произведений искусства за реальную жизнь в древнем мире. В результате мы «привыкаем глядеть на древность исключительно сквозь розовые очки». Если же более пристально и беспристрастно взглядеться «в древнюю историю и литературу, становится ясно, что в язычестве нам, безусловно, нечего жалеть. Если мы несчастны, то и древние были несчастны...» А приводимые в пример поклонниками языческой культуры «"святое сладострастие" (по выражению г. Мережковского), "святая плоть"», находившие выражение в служениях культу Диониса, где «под предлогом священнодействия язычники действительно предавались пьянству и распутству» вряд ли могут свидетельствовать о проявлении оптимизма. «Разве пьянство и разврат сколько-нибудь похожи на оптимизм, "розовый и воздушный"? – задается вопросом Меньшиков и сам на него отвечает: – Присмотритесь к современному пьянству и разврату – разве это настоящая радость жизни? Чаще всего это страшное лекарство от пустоты, от нищенства души, от гнетущего чувства бесцельности существования» [Меньшиков, 2019а: 701–702].

В заключение Меньшиков признает, что христианство тоже не в силах разом всех осчастливить, как не под силу это и язычеству. Однако христианство указывает верный путь даже не к оптимизму, а к чему-то более насыщенному – к восторгу. Тому примером, по мнению Меньшикова, служат те немногие праведники, «кто действительно следует Христу». В их «внутреннем преображении обнаруживается столько счастья, что оно излучается, как некоторое сияние, делающее и других счастливыми». Меньшиков признает, что данное явление редко в наши дни, однако это не значит, что оно не достижимо [Меньшиков, 2019а: 706].

Между тем все еще продолжались заседания религиозно-философского общества и Меньшиков, посещавший их, отсутствие активности в прениях компенсировал наблюдениями, которые переводил в литературную форму своих воскресных фельетонов. Так в статье 19 января 1903 года [Меньшиков, 2020] Меньшиков, описывая диалог философа и богослова, прямо указывает в начале работы: «Мы расходились с религиозно-философского собрания. После четырех часов сидения в маленьком со старинными сводами зале Географического общества, в густой толпе писателей, монахов, старых и молодых дам, архимандритов, журналистов, поэтов, миссионеров, богословов, священников, декадентов, философов...» Современный исследователь Ю. В. Прокопчук определил дату заседания по замечанию одного из персонажей Меньшикова: «четыре заседания толкуем о браке и девстве», полагая, что это и есть четвертое заседание, посвященное этому вопросу, проходившее 12 декабря 1902 г. [Прокопчук, 2003]. Попытался он также за образами философа и богослова определить конкретных личностей: «Философ, которого звали "Павел Петрович", – это, скорее всего, П. П. Фурнье. С меньшей долей вероятности можно утверждать, что

"богословом" является Тернавцев, взгляды которого схожи со взглядами "богослова", изложенными в статье Меньшикова» [Прокопчук, 2003].

Однако мы более склонны доверять замечанию самого Меньшикова, высказанному как раз в этой статье, что все его персонажи «лица вымышленные, необходимые для диалога», который Меньшиков ведет больше сам с собой, так как «не всегда в состоянии дать вопросу определенное решение», поэтому предлагает читателю «не самую мысль, а материал для нее» [Меньшиков, 2020: 148].

Сам же описанный спор вновь касался темы, поднимаемой не раз в своих статьях В. В. Розановым. СобираТЕЛЬНЫЙ образ «философа» в духе как раз его взглядов доказывал, что проповедование идеалов невинности и безбрачия порождает распутство, а ревность и нежелание терпеть измены супругов вызваны эгоизмом и отсутствием подлинно христианского смирения. СобираТЕЛЬНЫЙ же образ богослова доказывал, что церковь не настаивает на монашестве как единственно верном служении Богу, что на этот путь должны ступать только люди, у которых от природы духовное начало подавляет «растительные процессы». Но невинность как целомудрие можно сохранить и в браке, если «чистые» в действиях и помыслах люди, соединяясь, не оскверняют чистоту своих отношений изменами. Писавший эти строки Меньшиков, на данный момент, не будучи ни монахом, ни отцом семейства, мог только теоретизировать на данную тему, поэтому выводы он и предлагал делать читателю самому.

Пришедший вскоре на смену монархии социалистический строй в революционной составляющей своей идеологии опирался на либеральные тенденции, однако по мере становления нового советского государства официальная политическая позиция в вопросах семьи и гендерных отношений тяготела, как мы видим, к консервативным позициям. Отказываясь от христианского обоснования нерушимости брака, не возвышая монашества, советская идеология обосновывала те же идеи интересами государства, в котором семья объявлялась основным составляющим элементом и от ее прочности зависела прочность всего общества, а подвижничество на уровне созидательного или интеллектуального труда, которое могло сопровождаться выбором жизни без семьи воспринималось как удел немногих избранных, и если такая жизнь действительно приносила пользу стране, то и она считалась образцом нравственности. Последовавшие за отказом от социалистической парадигмы развития неоднократные изменения в российской идеологии не могли не сказаться на изменениях в общественных установках, и в настоящее время мы вновь видим столкновение в обществе христианской и постхристианской (а по сути «неоязыческой») позиций в гендерных вопросах.

Список литературы

Евгеньев-Максимов, 1913 – *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики: статьи и материалы. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930. 304 с.

Записки, 2005 – Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901-1903 гг.) / Общ. ред. С. М. Половинкина. М.: Республика, 2005. 543 с.

Лосев, 1996 – *Лосев А. Ф.* Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.

Меньшиков, 2019а – *Меньшиков М. О.* О гробе и колыбели // Меньшиков М. О. Письма к ближним в 16 т. Т. 1. 1902 г. СПб.: Машина времени, 2019. С. 692–706.

Меньшиков, 2019б – *Меньшиков М. О.* Поганое в паганизме // Письма к ближним в 16 т. Т. 1. 1902 г. СПб.: Машина времени, 2019. С. 570–589.

Меньшиков, 2019в – *Меньшиков М. О.* Das twigweibliche // Меньшиков М. О. Письма к ближним в 16 т. Т. 1. 1902 г. СПб.: Машина времени, 2019. С. 527–540.

Меньшиков, 2020 – *Меньшиков М. О.* Религиозно-философский спор // Меньшиков М. О. Письма к ближним в 16 т. Т. 2. 1903 г. СПб.: Машина времени, 2020. С. 148–160.

Мережковский, 1902а – *Мережковский Д. С.* О новом значении древней трагедии, опубликованное на следующий же день в «Новом времени» (Вступительное слово к представлению «Ипполита») // Новое время. 1902. 15 октября. С. 2.

Мережковский, 1902б – *Мережковский Д. С.* Что такое язычество? // Новое время. 1902. 28 сентября. С. 3–4.

Прокопчук, 2003 – *Прокопчук Ю. В.* Религиозно-философские собрания 1901-1903 годов и русское общество. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2003. [Электронный ресурс] <https://www.dissercat.com/content/religiozno-filosofskie-sobraniya-1901-1903-godov-i-russkoe-obshchestvo>

Розанов, 1897 – *Розанов В. В.* Кроткий демонизм // Новое время. 1897. 19 ноября // http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_krotkiy.html

Розанов, 1902а – *Розанов В. В.* В чем разница древнего и нового миров // Новое время. 1902. 12 сентября. С. 3–4.

Розанов, 1902б – *Розанов В. В.* Об отрицании эллинизма // Новое время. 1902. 26 августа. С. 2.

Российский архив, 1993 – Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Выпуск IV. М. О. Меньшиков: Материалы к биографии. М.: Студия «Три Тэ», 1993. 271 с.

Якимова, 2008 – *Якимова Ж. В. Д. С.* Мережковский о древнегреческой трагедии в связи с постановкой его переводов пьес Софокла и Еврипида на Александрийской сцене // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 69. С. 333–336.

Reference

Evgen'ev-Maksimov, 1913 – *Evgen'ev-Maksimov V., Maksimov D.* Iz proshlogo russkoj zhurnalistiki: stat'i i materialy. L.: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade, 1930. 304 s.

Zapiski, 2005 – Zapiski peterburgskih Religiozno-filosofskih sobranij (1901-1903 gg.) / Obshch. red. S. M. Polovinkina. M.: Respublika, 2005. 543 s.

Losev, 1996 – *Losev A. F.* Mifologiya grekov i rimlyan. M.: Mysl', 1996. 975 s.

Men'shikov, 2019a – Men'shikov M. O. O grobe i kolybeli // Men'shikov M. O. Pis'ma k blizhnim v 16 t. T. 1. 1902 g. SPb.: Mashina vremeni, 2019. S. 692–706.

Men'shikov, 2019b – Men'shikov M. O. Poganoe v paganizme // Pis'ma k blizhnim v 16 t. T. 1. 1902 g. SPb.: Mashina vremeni, 2019. S. 570–589.

Men'shikov, 2019v – Men'shikov M. O. Das twigweibliche // Men'shikov M. O. Pis'ma k blizhnim v 16 t. T. 1. 1902 g. SPb.: Mashina vremeni, 2019. S. 527–540.

Men'shikov, 2020 – Men'shikov M. O. Religiozno-filosofskij spor // Men'shikov M. O. Pis'ma k blizhnim v 16 t. T. 2. 1903 g. SPb.: Mashina vremeni, 2020. S. 148–160.

Merezhkovskij, 1902a – Merezhkovskij D. S. O novom znachenii drevnej tragedii, opublikovannoe na sleduyushchij zhe den' v «Novom vremeni» (Vstupitel'noe slovo k predstavleniyu «Ippolita») // *Novoe vremya*. 1902. 15 oktyabrya. S. 2.

Merezhkovskij, 1902b – Merezhkovskij D. S. CHto takoe yazychestvo? // *Novoe vremya*. 1902. 28 sentyabrya. S. 3–4.

Prokopchuk, 2003 – Prokopchuk YU. V. Religiozno-filosofskie sobraniya 1901-1903 godov i russkoe obshchestvo. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. M., 2003. [Elektronnyj resurs] <https://www.dissercat.com/content/religiozno-filosofskie-sobraniya-1901-1903-godov-i-russkoe-obshchestvo>

Roazanov, 1897 – Roazanov V. V. Krotkij demonizm // *Novoe vremya*. 1897. 19 noyabrya // http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_krotkiy.html

Roazanov, 1902a – Roazanov V. V. V chem raznica drevnego i novogo mirov // *Novoe vremya*. 1902. 12 sentyabrya. S. 3–4.

Roazanov, 1902b – Roazanov V. V. Ob otricanii ellinizma // *Novoe vremya*. 1902. 26 avgusta. S. 2.

Rossijskij arhiv, 1993 – Rossijskij arhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII—XX vv. Vypusk IV. M. O. Men'shikov: Materialy k biografii. M.: Studiya «Tri Te», 1993. 271 s.

Yakimova, 2008 – Yakimova Zh. V. D. S. Merezhkovskij o drevnegrecheskoj tragedii v svyazi s postanovkoj ego perevodov p'es Sofokla i Evripida na Aleksandrinskoj scene // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. 2008. № 69. S. 333–336.